«ПЛЕННЫЙ ДУХ»
МАРИНА ЦВЕТАЕВА И АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНДРЕЯ БЕЛОГО)

Дом-музей Марины Цветаевой благодарит партнера выставки ГБУК г. Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина», а также актера театра «Ленком»
Антона Шагина, актрису МХАТ им. М.Горького Алису Гребенщикову
за участие в проекте к юбилею Андрея Белого!

1

Эссе «Пленный дух» было написано Мариной Цветаевой в 1934 году, вскоре после смерти поэта. Как замечала А.А. Саакянц, не только материально-бытовые проблемы («Стихов моих нигде не берут...») заставили Марину Цветаеву в 30-е гг. заниматься прозой, но и «творчески-нравственная необходимость»: «Под влиянием душевного порыва защитить собрата-поэта от клеветы, от досужих сплетен, от прижизненного или посмертного оболгания были написаны очерки-воспоминания о современниках» – «Живое о живом», «Пленный дух», «Поэт-альпинист», «Слово о Бальмонте», «История одного посвящения». А.А. Ахматова, много внимания уделявшая прозе М. Цветаевой, высоко ставя «Мать и музыку» («гениальная вещь»), критиковала «Пленный дух»: «Белый весь выдуман». Облик поэта в очерке – такой, каким видела его Марина Цветаева, образ, преломленный через ее неповторимое, субъективное видение, ее Андрей Белый (как и «Мой Пушкин»).В образе Андрея Белого во многом отражена сама М. Цветаева, ее точка зрения на то, каким должен быть поэт, на его трагический путь, на жизнь и смерть.

2

С точки зрения М. Цветаевой, тело для поэта – темница его души. Приходя на землю из небесной отчизны, поэт приносит с собой память о волшебных звуках, небесной свободе и в своем творчестве пытается передать отголоски своего дорожденного состояния. Земная жизнь поэта – борьба быта и бытия, материи и духа, страстно желающего освободиться от телесных уз. Очерк об Андрее Белом носит название «Пленный дух», и на протяжении всего очерка образ поэта строится на постоянном акцентировании его неотмирности, бестелесности, невозможности приспособиться к быту:

3

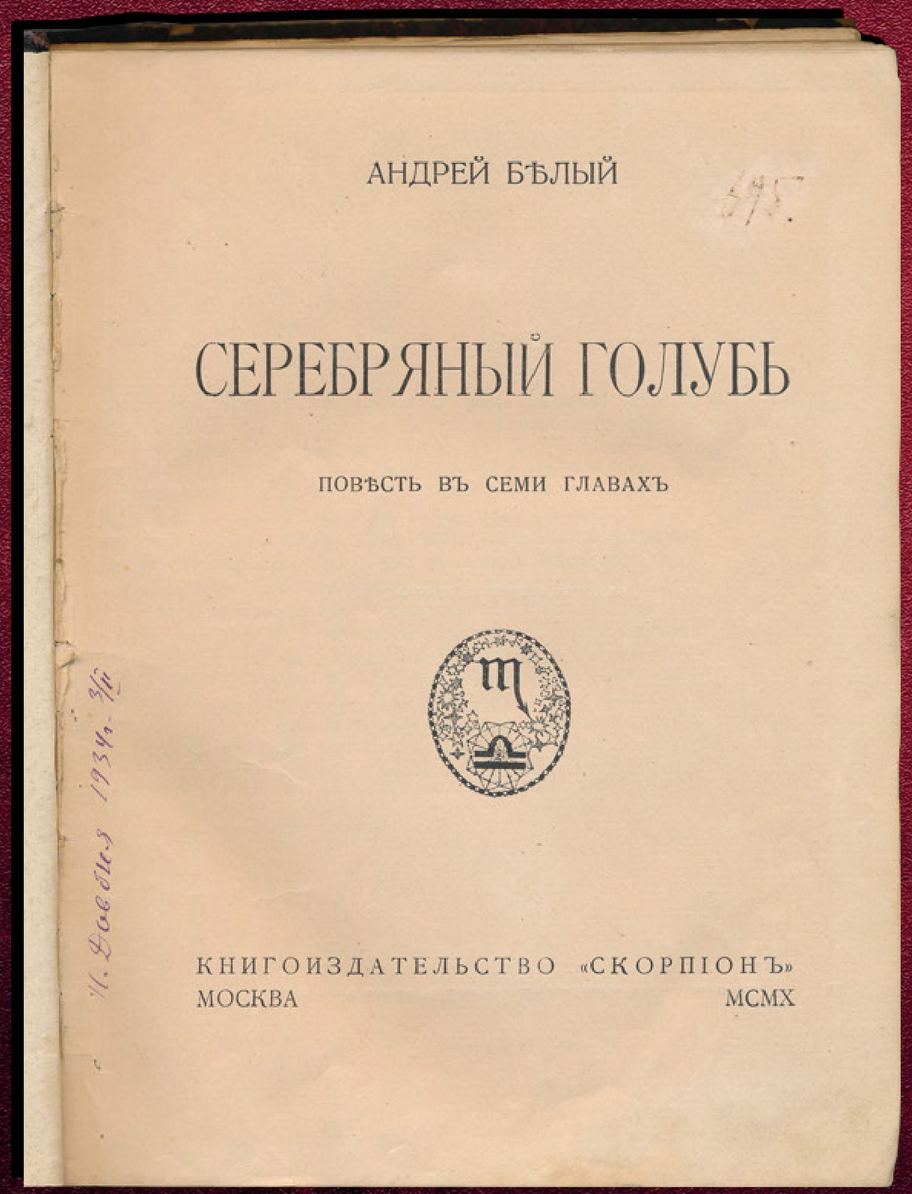
«Белый, с внезапным поворотом всего тела, хотя странно о нем говорить всего и тела, до того этого всего было мало и до того это было не тело…»; «О, таким тебя видели все, от швейцарского тайновидца до цоссенской хозяйки, о, таким ты останешься, пребудешь, легкий дух, одинокий друг»; «Я не могу писать! Это позор! Я должен стоять в очереди за воблой! Я писать хочу! Но я и есть хочу! Я – не дух! Вам я не дух! Я хочу есть на чистой тарелке, селедку на мелкой тарелке, и чтобы не я ее мыл. Я заслужил! Я с детства работал!»; «Он не собой был занят, а своей бедой, не только данной, а отрожденной: бедой своего рождения в мир»; «Не эгоист, а эгоцентрик боли, неизлечимой болезни – жизни, от которой вот только 8 января 1934 года излечился»; «Думаю, что в этой поездке я впервые увидела Белого в его основной стихии: полете, в родной и страшной его стихии – пустых пространств, потому и руку взяла, чтобы еще удержать на земле. Рядом со мной сидел пленный дух».

Впервые имя Андрея Белого Марина Цветаева услышала в доме своего дяди Дмитрия Владимировича Цветаева.

Дмитрий Владимирович и Иван Владимирович Цветаевы. 1909–1912 гг.

Фрагмент пешеходной экскурсии. Остоженка, 38.

История знакомства, встреч, дружбы Марины Цветаевой и Андрея Белого очень интересна.



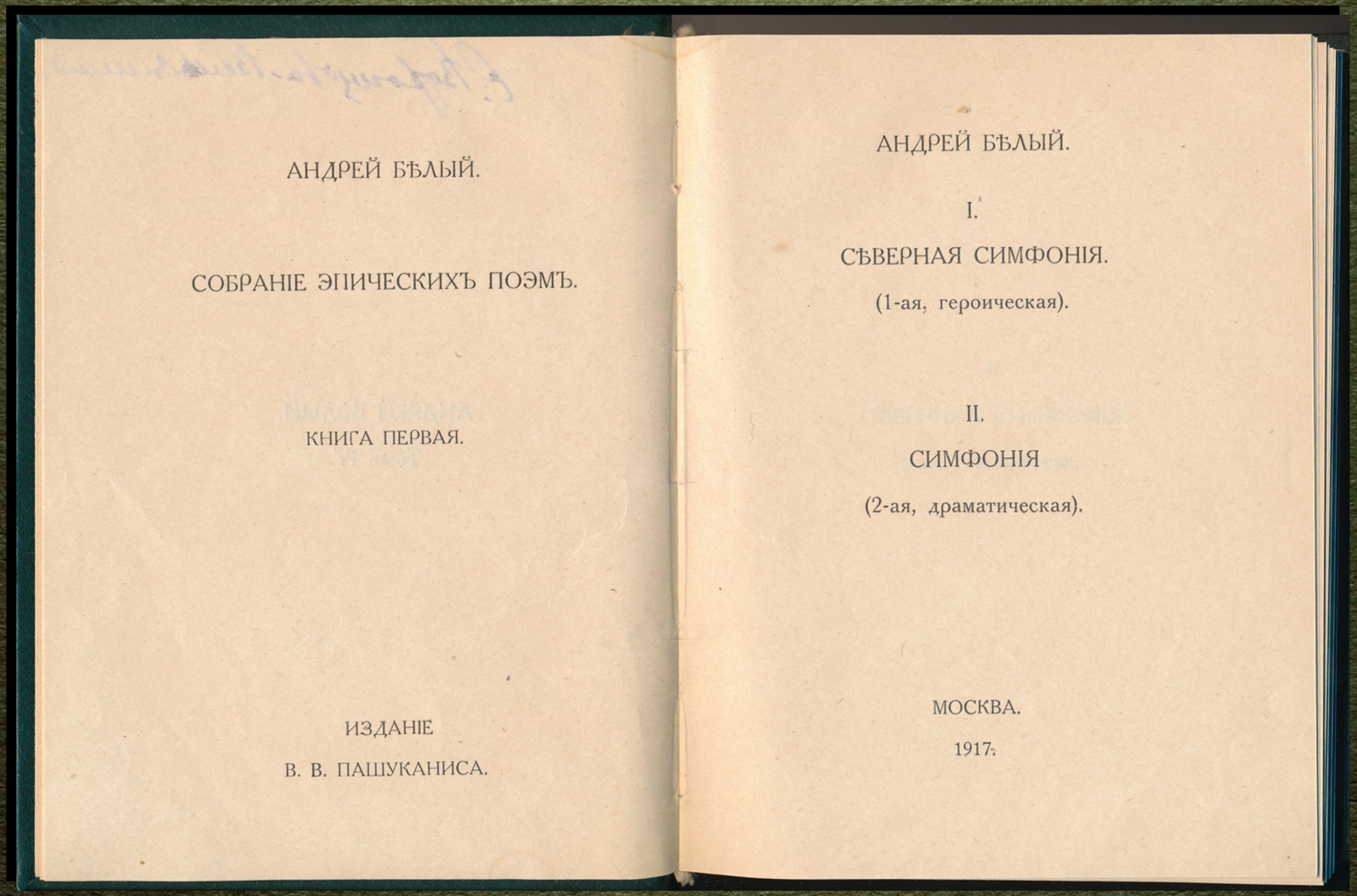
АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ

ПОВѢСТЬ ВЪ СЕМИ ГЛАВАХЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПІОНЪ»
МОСКВА МСМХ

Белый А. Серебряный голубь.
Повесть в 7-ми главах. М.: Скорпион, 1910.



АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

СОБРАНІЕ ЭПИЧЕСКИХЪ ПОЭМЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ
В. В. ПАШУКАНИСА.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

I.

СѢВЕРНАЯ СИМФОНІЯ.

(1-ая, героическая).

II.

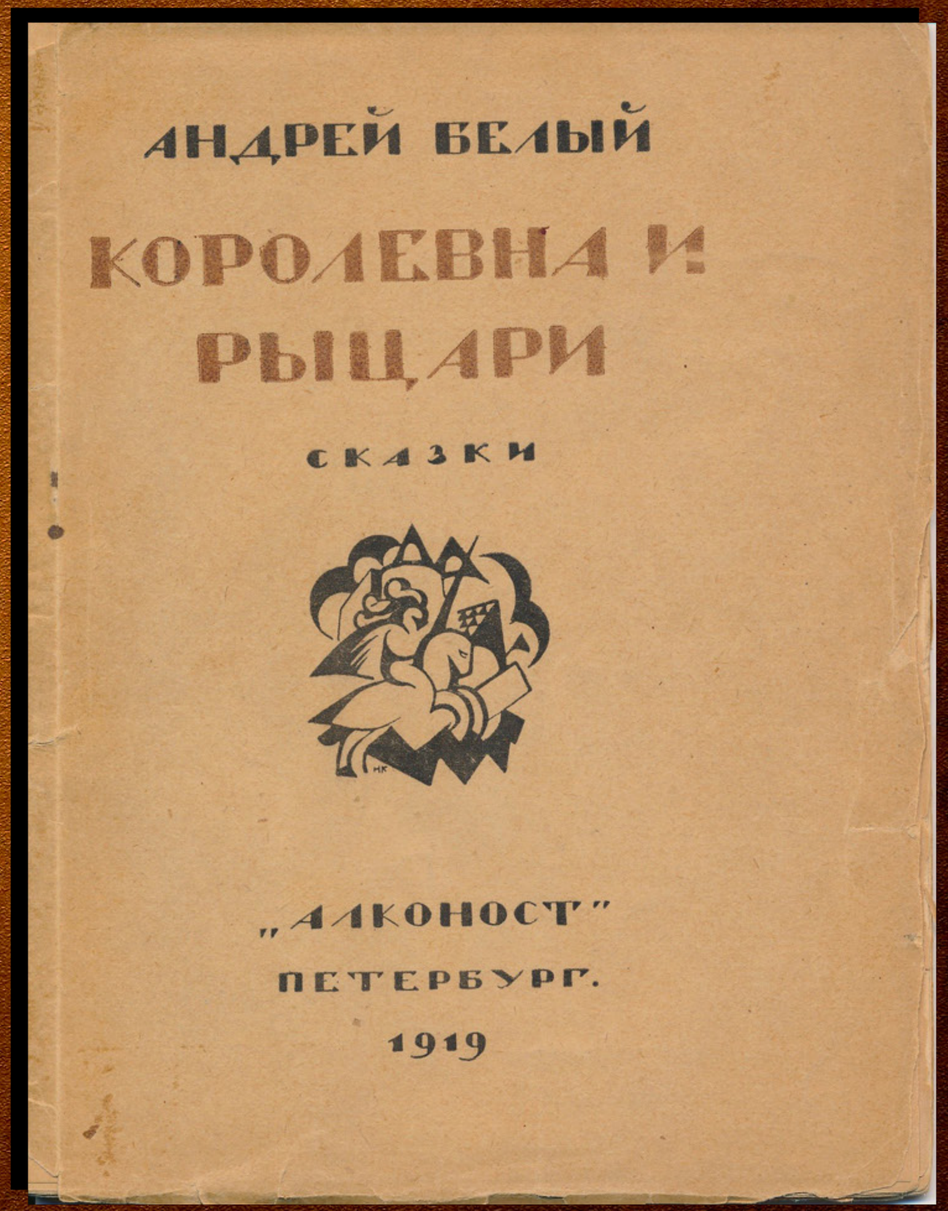
СИМФОНІЯ

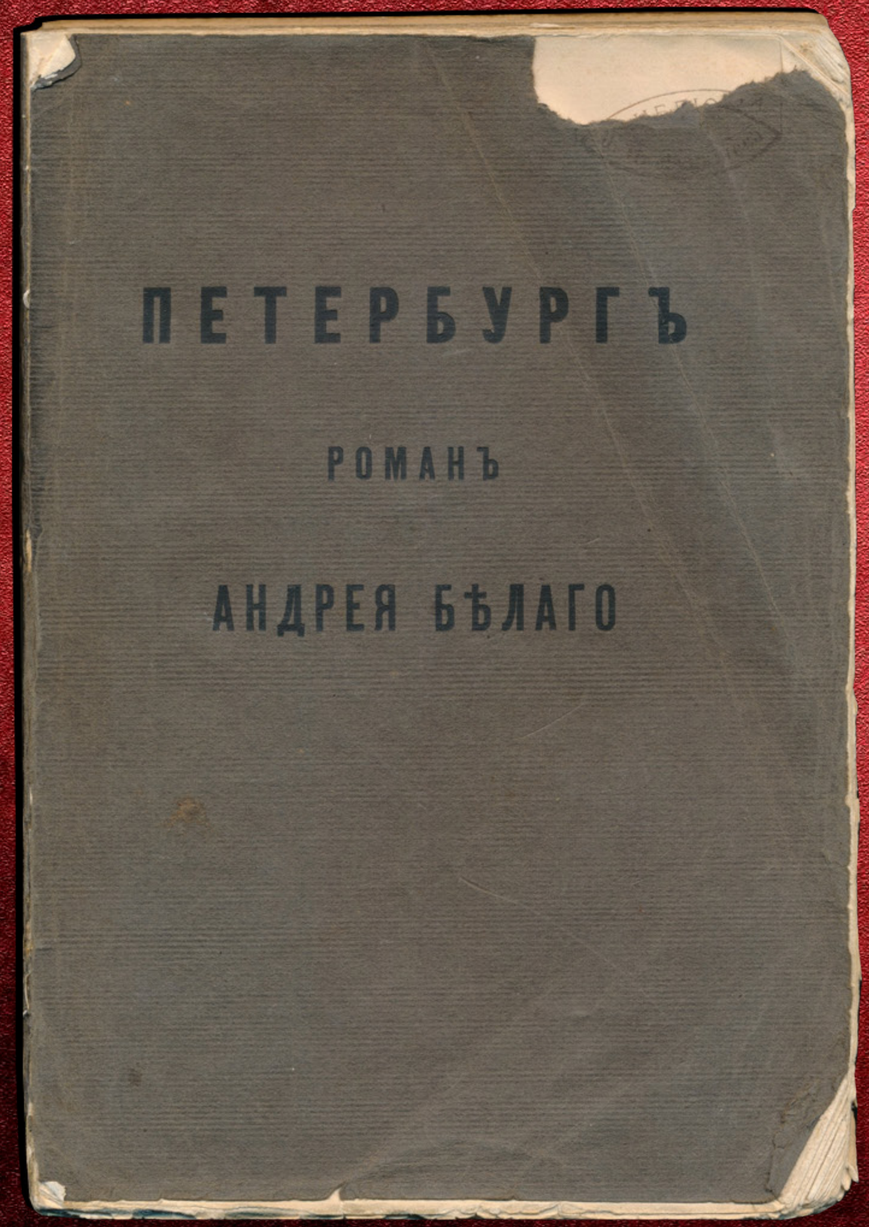
(2-ая, драматическая).

МОСКВА.
1917.

Белый А. Собрание эпических поэм; Кн. I: I. Северная симфония (1-я героическая). II Симфония (2 драматическая). Т. 4. – М.: Изд. Пашуканиса, 1917.

Белый А. Королевна и рыцари: сказки / Обл. раб. худ. Н.Н. Купреянова, марка Ю.П. Анненкова. – Пб.: Алконост, 1919.





Белый А. Сологуб Ф. Ремизов А. Петербург: роман в 8 главах с прологом и эпилогом. – Петроград: Сирин, 1916.

10

Юные Марина и Ася Цветаевы много слышали о Белом от своего друга Эллиса (Льва Львовича Кобылинского), у него же произошло и формальное знакомство. Цветаева пишет, что Эллис – человек, который «разбудил» имя Андрея Белого в ее жизни. «Однажды мы с Асей, зайдя к нему вместо гимназии, застали посреди его темной, с утра темной, всегда темной, с опущенными шторами – не выносил дня! – и двумя свечами перед бюстом Данте – комнаты – что-то летящее, разлетающееся, явно на отлете – ухода. И, прежде чем мы опомниться могли, Эллис:

– Борис Николаевич Бугаев. А это – Цветаевы, Марина и Ася.

II

Поворот, почти пируэт, тут же повторенный на стене его огромной от свечей тенью, острый взгляд, даже укол, глаз, конец перебитой нашим входом фразы, – человек уходил, и ничто уже его не могло остановить, и, с поклоном, похожим на па какого-то балетного отступления:

– Всего хорошего.
– Всего лучшего.
Дома, ложась спать:
– А все-таки увидели Андрея Белого. Он мне сказал: “Всего лучшего”.
– Нет, мне – всего лучшего. Тебе – всего хорошего.
– Нет, именно тебе – всего хорошего, а мне…
– Ну, тебе – лучшего! (Про себя: сама знаешь, что – мне!)»

Предмет из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

Андрей Белый. Брюссель. Фотоателье «Benjamin Couprie». 1912.

13

Эллис (Лев Львович Кобылинский) – друг юности Марины и Анастасии Цветаевых. «Бурное воздействие оказал Эллис на Марину и Асю в самую восприимчивую, переломную пору их жизни», – писала В.И. Цветаева. Л.Л. Кобылинский действительно был очень ярким, харизматичным человеком. Анастасия Цветаева вспоминала его так: «Худой, в черном сюртуке. Блестящая лысина, черноволосый, зеленоглазый, с удлиненным лицом, тонкие черты лица, очень красный рот – “доктор”, маг из средневекового романа».

Л.Л. Кобылинский. 1890-е годы.

Л.Л. Кобылинский (Эллис). Без даты.

15

«Жил Эллис в бедности, без определенного заработка, от стихов к статье, делал переводы, не имел быта. Комната в номерах “Дон” на Смоленском рынке и хождение днем – по редакциям, вечером – по домам друзей, где его встречали радостно, как желанного гостя, слушали последние стихи и вместе с ним уносились в дебри мечтаний и споров о роли символизма, романтизма. Часто голодный, непрактичный, он обладал едким умом и блестящей речью, завораживающей самых разнородных людей.

И был у него еще один талант, которым он покорял людей не менее, чем певучим стихом: талант изображения всего, о чем он говорил, – более: талант превращения, перевоплощения такой силы и такой мгновенности, которая не под стать и самому искусному актеру, всегда связанному принудительностью роли данного часа, несвободою выбора.

16

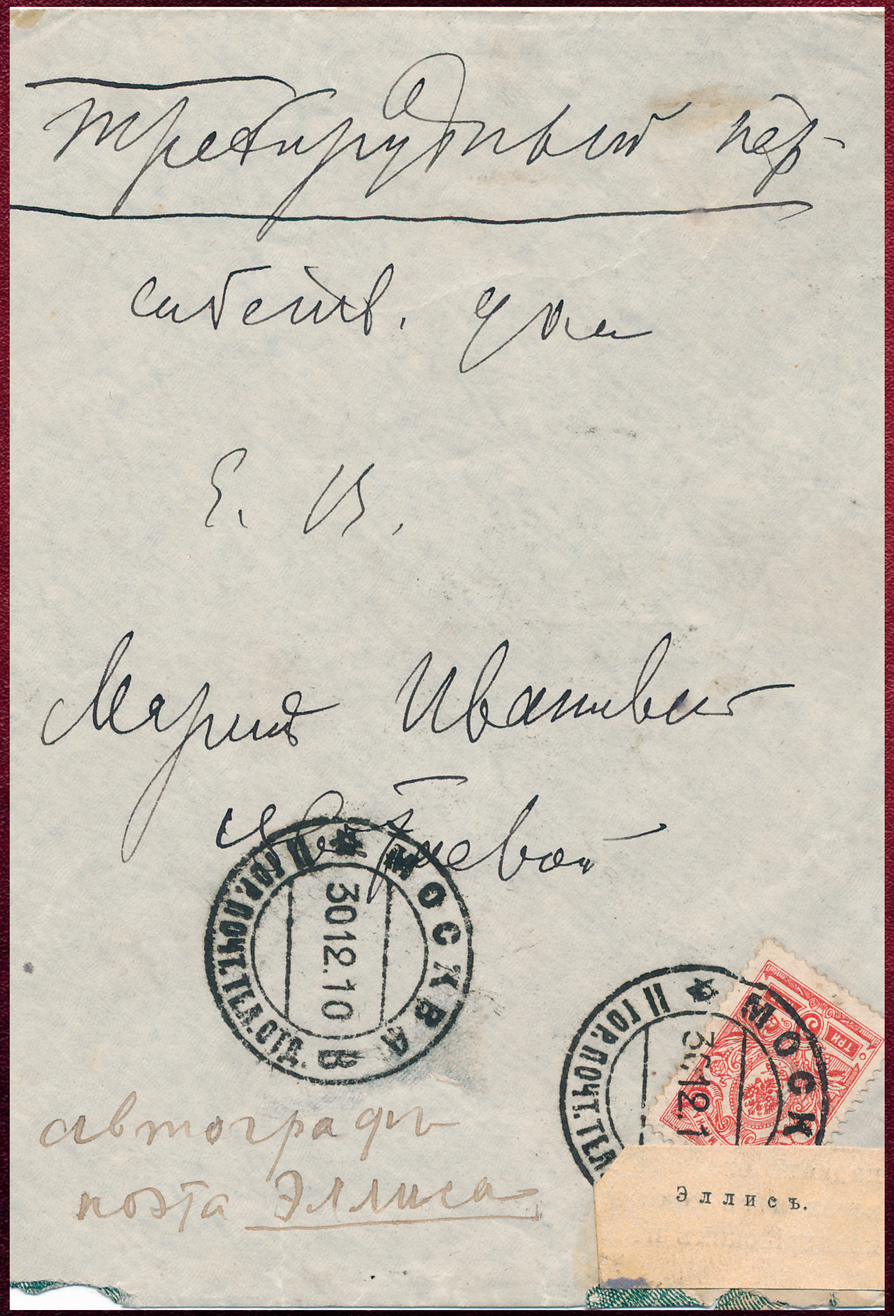
Эллис, в своей полной материальной неустроенности, был насмешлив, неблагодарен до самого мозга костей, надменен к тому, у кого ел, повелителен к тому, от кого зависел. Импровизатор создаваемого в миг и на миг спектакля, он не снизошел бы к доле актера, которая должна была представляться ему нищетой. <…> Молча слушает, стыдясь слова, Марина стихи поэта вдвое старше ее, первого поэта, в жизни встреченного, от застенчивости щуря светлые близорукие глаза. <…>

В ту пору Льву Львовичу, должно быть, из всех домов Москвы, где он бывал (у половины Москвы!), больше всего хотелось к нам. Взмах трости, ее ожесточенный стук о тротуар, он летел, как на крыльях, в чем-то немыслимо-меховом на голове (зимой, в морозы). Но шла весна, кончились меховые шапки, и Эллис снова был в своем классическом котелке. Войдя, легким движением руки его иначе надев, вздернув бородку: “Брюсов!”

17

Брюсов был его кумир. Нежно любил он и Андрея Белого. Любил? Перевоплощался в них, едва назвав. Скрестив на груди руки, взглянет, надменно и жестко, что-то сделает неуловимое с лицом – “Валерий Яковлевич” тех лет, когда он писал: “желал бы я не быть Валерий Брюсов!” На время чтения этой строки Эллис был им, за него, как Наполеон за уснувшего на миг часового. Но начнет рассказывать о Борисе Николаевиче – и уже сами собой взлетают в стороны руки, обняв воздух, глаза стали светлы и рассеянны, и уже летит к нам из передней в залу не Эллис – Андрей Белый! <…>

Маринин творческий дар Эллис чтил, слушал ее стихи, восхищался. Хвалил ее перевод “Орленка” (сам будучи известным переводчиком). С первого дня учуял и ее нрав, ни с чем не мирящийся». Эллис – герой поэмы М. Цветаевой «Чародей».



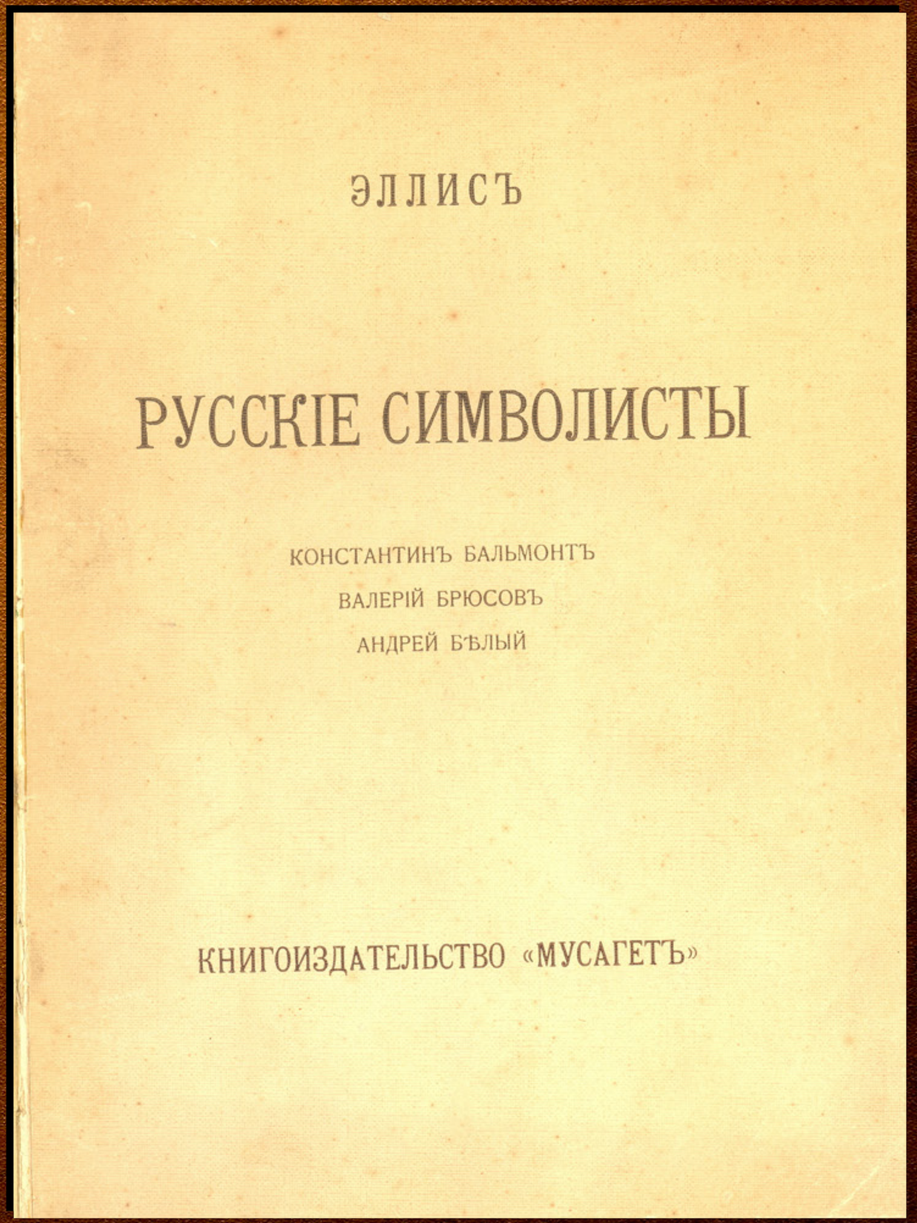
Конверт от несохранившегося письма Эллиса
(Л.Л. Кобылинского)
к М.И. Цветаевой 30.12.10.

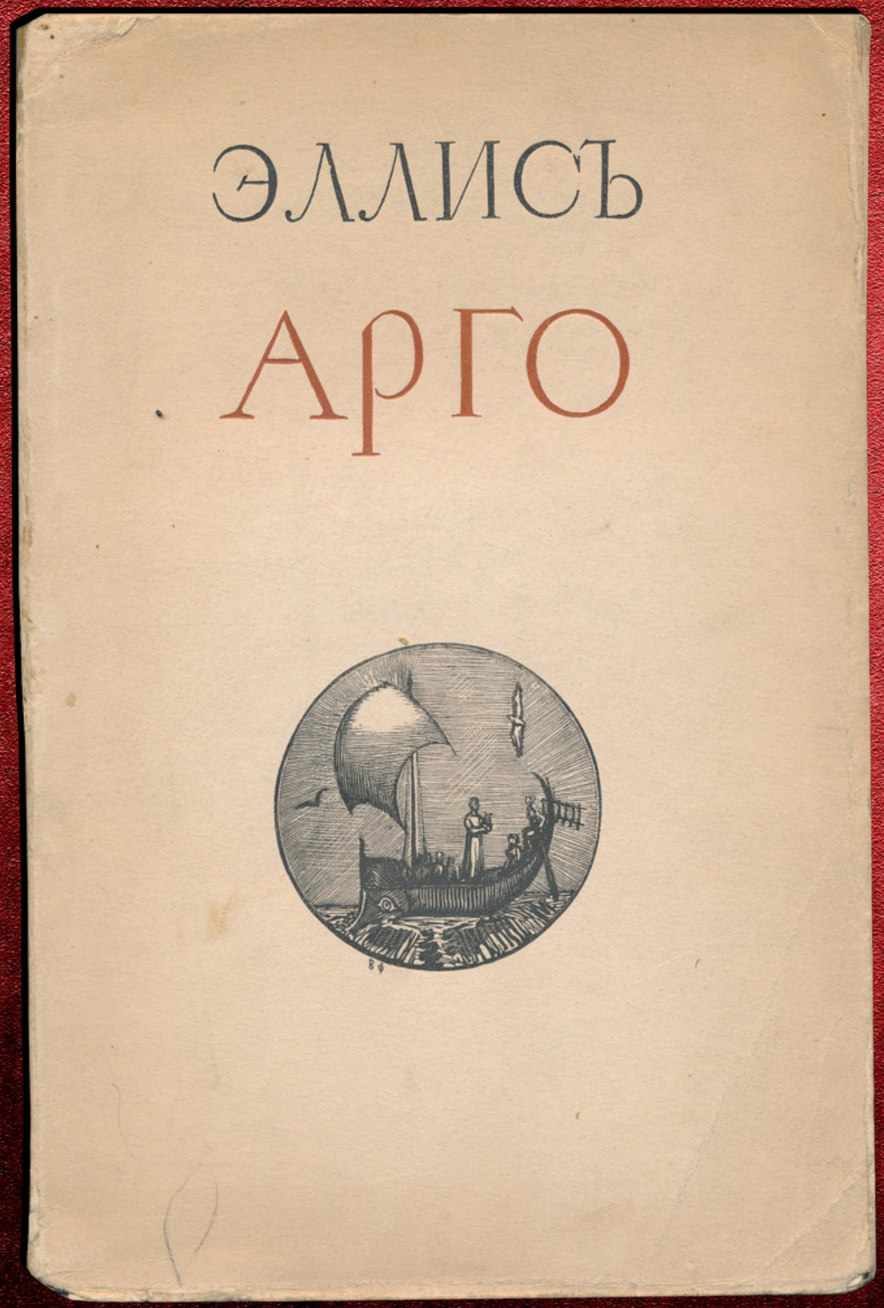
19

Эллис также и друг юности Андрея Белого, товарищ по кружку Владимировых – «душа кружка»: «Он был и литературно и социологически образован; изумительный импровизатор и мим, он превращал то в фейерверк, то в лекции, то в вечера “смеха и забавы” наши “аргонавтические” воскресники…»; «Кобылинский был образован, имел дар слова и дар актера: играть ту или иную роль; и верить при этом, что роль – убеждение…» (Воспоминания Андрея Белого).

Меблированные комнаты «Дон» «помещались в оливковом доме… дом стеной выходил на Арбат (против “Аптеки”); другим боком дом глядел на Смоленский бульвар; третьим – в паршивые домики, с чайною…»; номер Эллиса был «ячейкой “аргонавтизма”». «“Аргонавтизм” – не был идеологией, ни кодексом правил или уставом; он был только импульсом оттолкновения от старого быта, отплытием в море исканий, которых цель виделась в тумане будущего…». Эллис назвал кружок «аргонавтами», «приурочив к древнему мифу, повествующему о путешествии на корабле “Арго” группы героев в мифическую страну (по предположению, в Колхиду): за золотым руном» (Воспоминания Андрея Белого).

Кобылинский Л.Л. (Эллис) Русские символисты: К. Бальмонт, В. Брюсов, Андрей Белый. – М.: Мусагет, 1910.





Эллис. Арго. / Обл. работы В.А. Фаворского. –
М.: Мусагет, 1914.

22

До отъезда в эмиграцию М. Цветаева часто видела Андрея Белого в «Мусагете», во Дворце искусств, в Наркомпросе, все это были мимолетные встречи, но значительные для создания легенды.

Фрагмент пешеходной экскурсии. Гоголевский бульвар, дом 31. Мусагет.

Именно в «Мусагете» М. Цветаева повстречается с Асей Тургеневой, ставшей впоследствии женой Андрея Белого.

Предметы из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

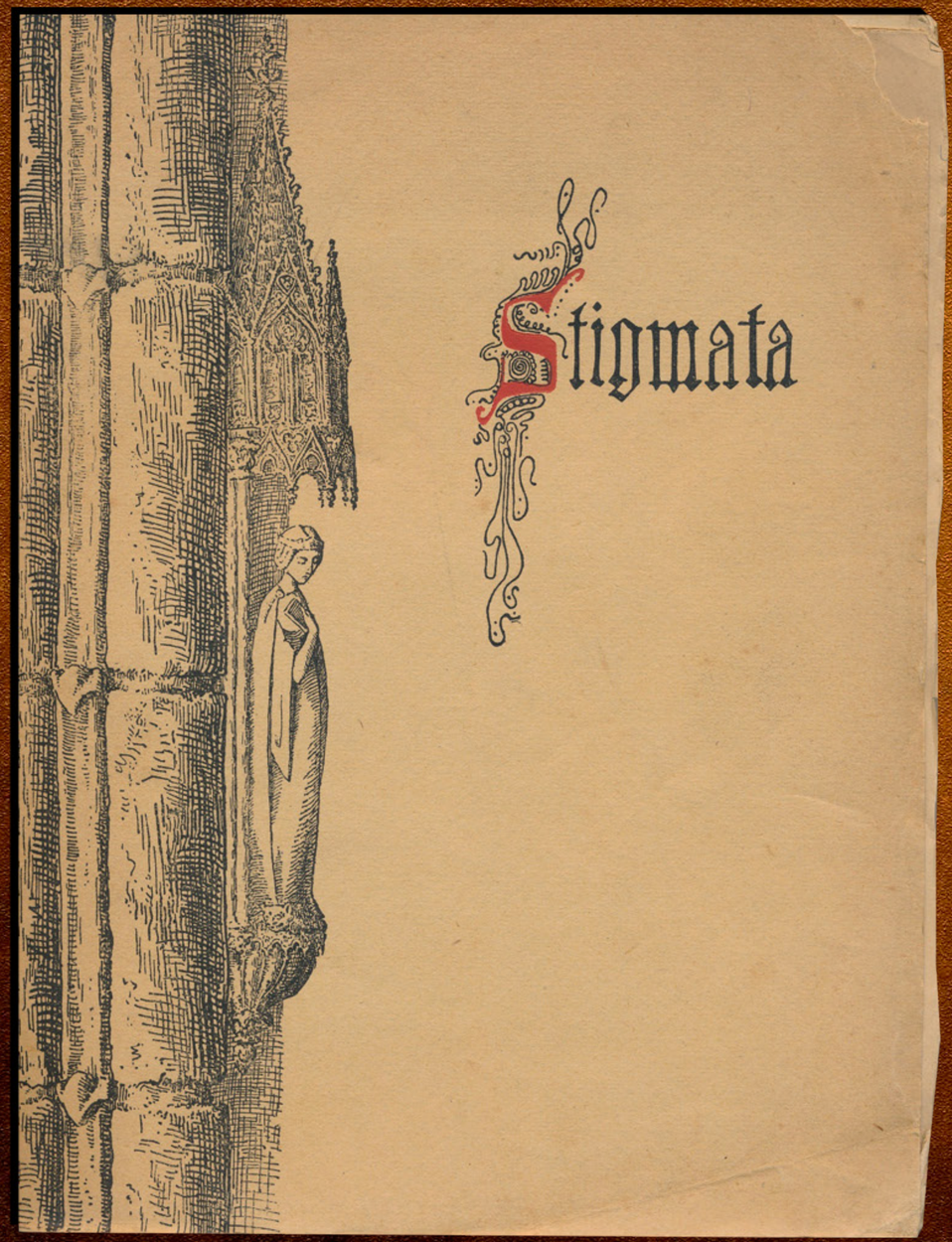
Андрей Белый и
Анна Алексеевна Тургенева
(1890–1966; первая жена Андрея Белого).
Брюссель. Фотоателье «Benjamin Couprie». 1912.

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

А.А. Тургенева. Портрет Андрея Белого. Офорт. 1909.

26

«Асю Тургеневу я впервые увидела в “Мусагете”, куда привел меня Макс. Пряменькая, с от природы занесенной головкой в обрамлении гравюрных ламартиновских “anglaises” [локонов (фр.).], с вечно дымящей из точеных пальцев папироской, в вечном сизом облаке своего и мусагетского дыма, из которого только еще точнее и точеней выступала ее прямизна. Красивее из рук не видала. Кудри и шейка и руки, – вся она была с английской гравюры, и сама была гравер, и уже сделала обложку для книги стихов Эллиса “Stigmata”, с каким-то храмом. С английской гравюры – брюссельской школы гравер, а главное, Ася Тургенева – тургеневская Ася, любовь того Сергея Соловьева с глазами Владимира, “Жемчужная головка” его сказок, невеста Андрея Белого и Катя его “Серебряного голубя”, Дарьяльский которого – Сережа Соловьев. (Все это, гордясь за всех действующих лиц, а немножечко и за себя, захлебываясь сообщил мне Владимир Оттонович Нилендер, должно быть, сам безнадежно влюбленный в Асю. Да не влюбиться было нельзя.)».



Эллис Stigmata.
Книга стихов. / Обл. работы А.А. Тургеневой. –
М.: Мусагет, 1911.

Предмет из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

Сестры Тургеневы: Наташа (Наталья Алексеевна; 1886–1942), Таня (Татьяна Алексеевна; 1896–1966), Ася (Анна Алексеевна, художница, первая жена Б.Н. Бугаева; 1890–1966). Москва. Фотоателье Ф. Опитца. 25 ноября 1910.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА МОСКВЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА»

Фрагмент пешеходной экскурсии. Дворец искусств. Белый разговаривает с ничевоками. Поварская, 52.

30

Настоящая же встреча Цветаевой и Андрея Белого произошла в эмиграции, летом 1922 года. М. Цветаева писала в письме Б. Пастернаку в ноябре 1922 года: «Лучшее мое воспоминание из жизни в Берлине (два месяца) – это Ваша книга и Белый. С Белым я, будучи знакома почти с детства, по-настоящему подружилась только этим летом. Он жил, как дух: ел овсянку, которую ему подавала хозяйка, и уходил в поля. Там он мне, однажды, на закате чудно рассказывал про Блока». Встреча эта произошла в берлинском кафе, когда Марина Цветаева только-только покинула Россию и временно ей дали приют Эренбурги.

31

«“Pragerdiele” на Pragerplatz’е. Столик Эренбурга, обрастающий знакомыми и незнакомыми. Оживление издателей, окрыление писателей. Обмен гонорарами и рукописями. (Страх, что и то, и другое скоро падет в цене.) Сижу частью круга, окружающего. <…> И вдруг через все – через всех – протянутые руки – кудри – сияние: – Вы? Вы? (Он так и не знал, как меня зовут.) Здесь? Как я счастлив! Давно приехали? Навсегда приехали? <…> …Почему мы с вами так мало встречались в Москве, так мимолетно? Я все детство о вас слышал, все ваше детство, конечно, – но вы были невидимы. Все ваше детство я слышал о вас. У нас с вами был общий друг: Эллис, он мне всегда рассказывал о вас и о вашей сестре – Асе: Марине и Асе. Но в последнюю минуту, когда нужно было вдвоем идти к вам, он – уклонялся.

32

— А мы с Асей так мечтали когда-нибудь вас увидеть! И как мы были счастливы тогда, в “Доне”, когда случайно…»

В первую встречу с Андреем Белым М. Цветаева описала себя так:
«Сижу, буквально залитая восторгом из его глаз, одетая им, как плащом, как лучом, как дождем, вся, от темени до подола моего пока еще нового, пока еще синего, пока еще единственного берлинского платья».

Платье Марины Цветаевой. 1920-е гг.

34

Уже во время этого первого разговора два поэта почувствовали глубинное внутреннее родство: « – Так вы – родная? Я всегда знал, что вы родная». Андрей Белый отметил, что они с Цветаевой – «профессорские дети», что «это ведь целый круг, целое Credo». (Особый круг, Арбат, воспитание и т.п.). «К “профессорским детям” он всегда был как-то “неравнодушен”, он считал их своими коллегами», – вспоминал об Андрее Белом А. Бахрах. Подобное подтверждает в воспоминаниях и Нина Берберова: «Я как-то спросила его:

– Борис Николаевич, вы любите Цветаеву? – В этом вопросе, принимая во внимание весь контекст нашего разговора, было мое любопытство к его отношению и к стихам Марины Ивановны, и к ней самой. Он еще шире раздвинул рот, напомнив Николая Аполлоновича Аблеухова, и ответил слово в слово следующее:

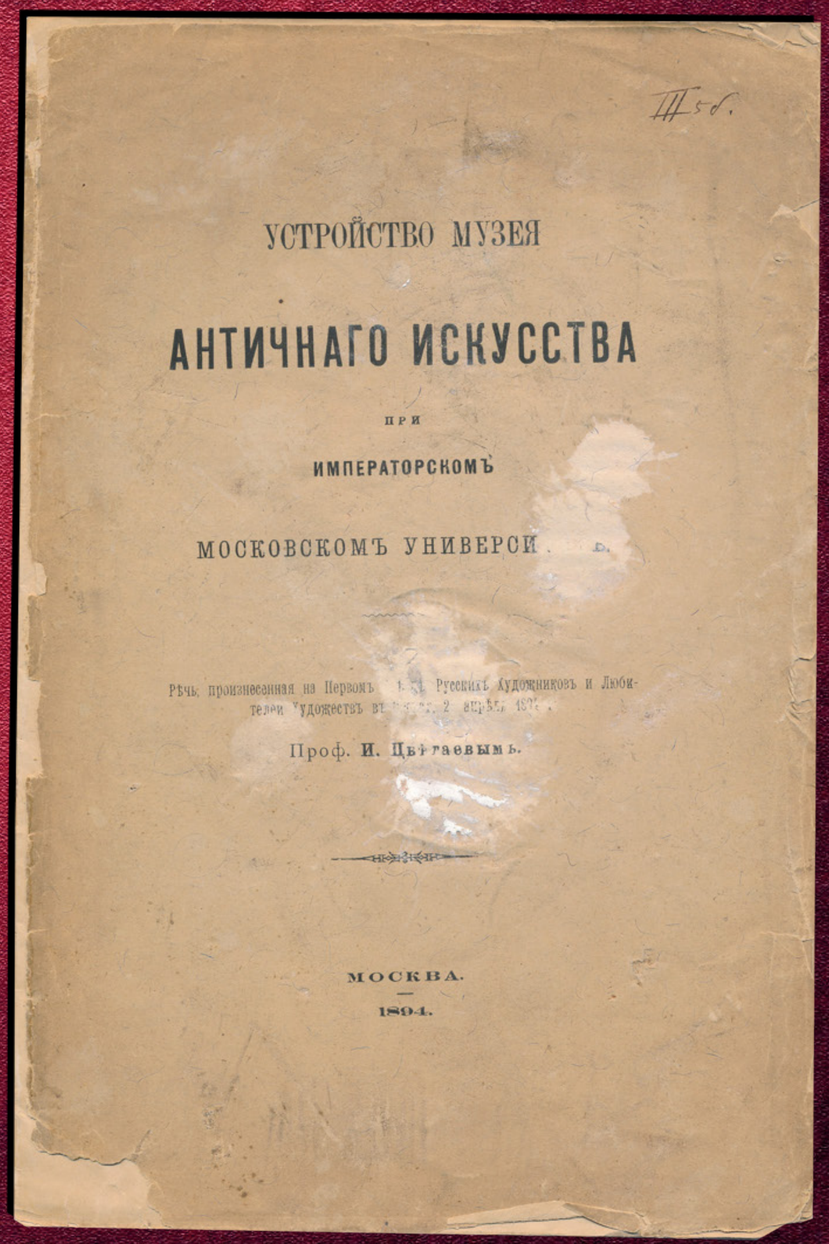
35

– Я очень люблю Марину Ивановну. Как же я могу ее не любить? Она дочь профессора Цветаева, а я – сын профессора Бугаева».

Оба – и Цветаева, и Андрей Белый – родились в профессорских семьях: Марина Цветаева – дочь профессора Ивана Владимировича Цветаева, филолога, ученого с мировым именем, автора многочисленных научных работ, Борис Бугаев – сын известного математика, профессора Московского университета Николая Васильевича Бугаева, президента Московского математического общества.

Воронцова Т.Р. Бюст И.В. Цветаева. 1992.

Цветаев И.В. Книга Устройство музея античного искусства при Московском университете: Речь, произнесенная на первом Съезде Русских Художников и Любителей Художеств в Москве 24 апреля 1894 г. Проф. И. Цветаевым. – М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1894.



УСТРОЙСТВО МУЗЕЯ

АНТИЧНАГО ИСКУССТВА

ПРИ

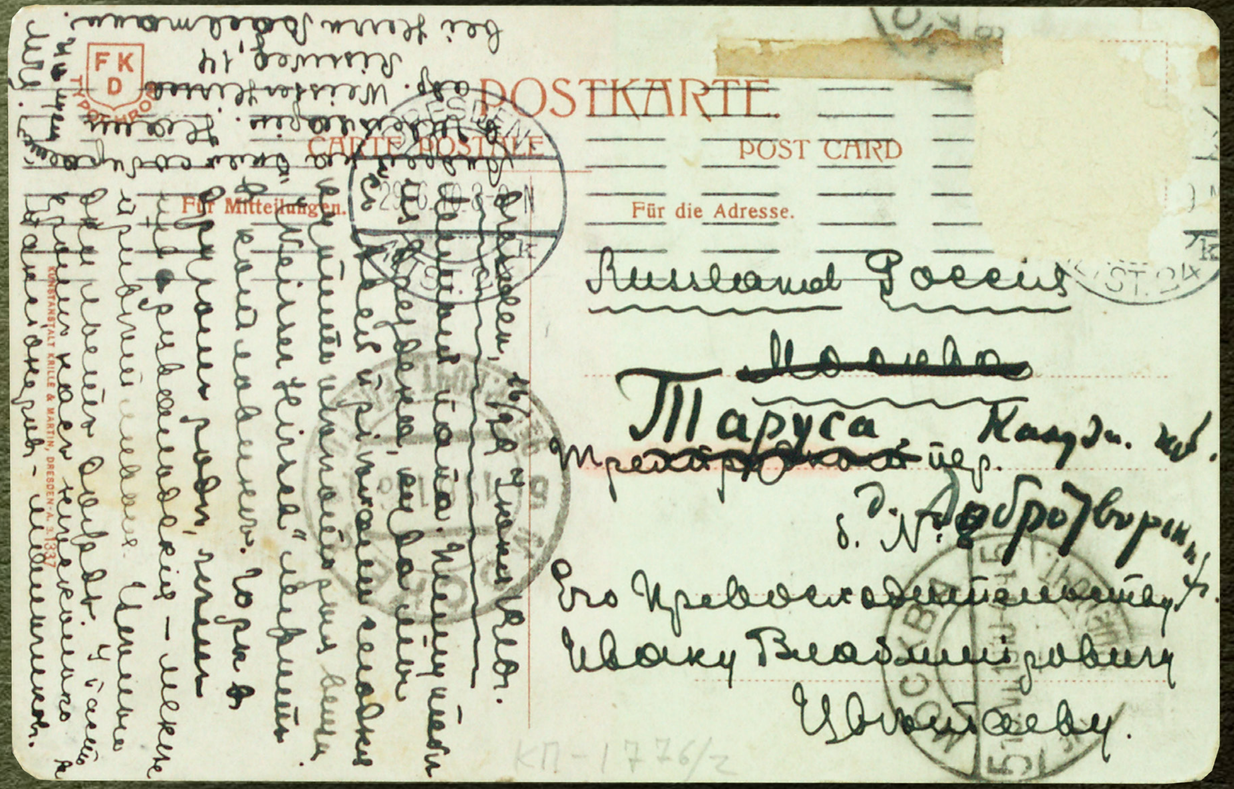
ИМПЕРАТОРСКОМЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИ

Проф. И. Цветаевымъ.

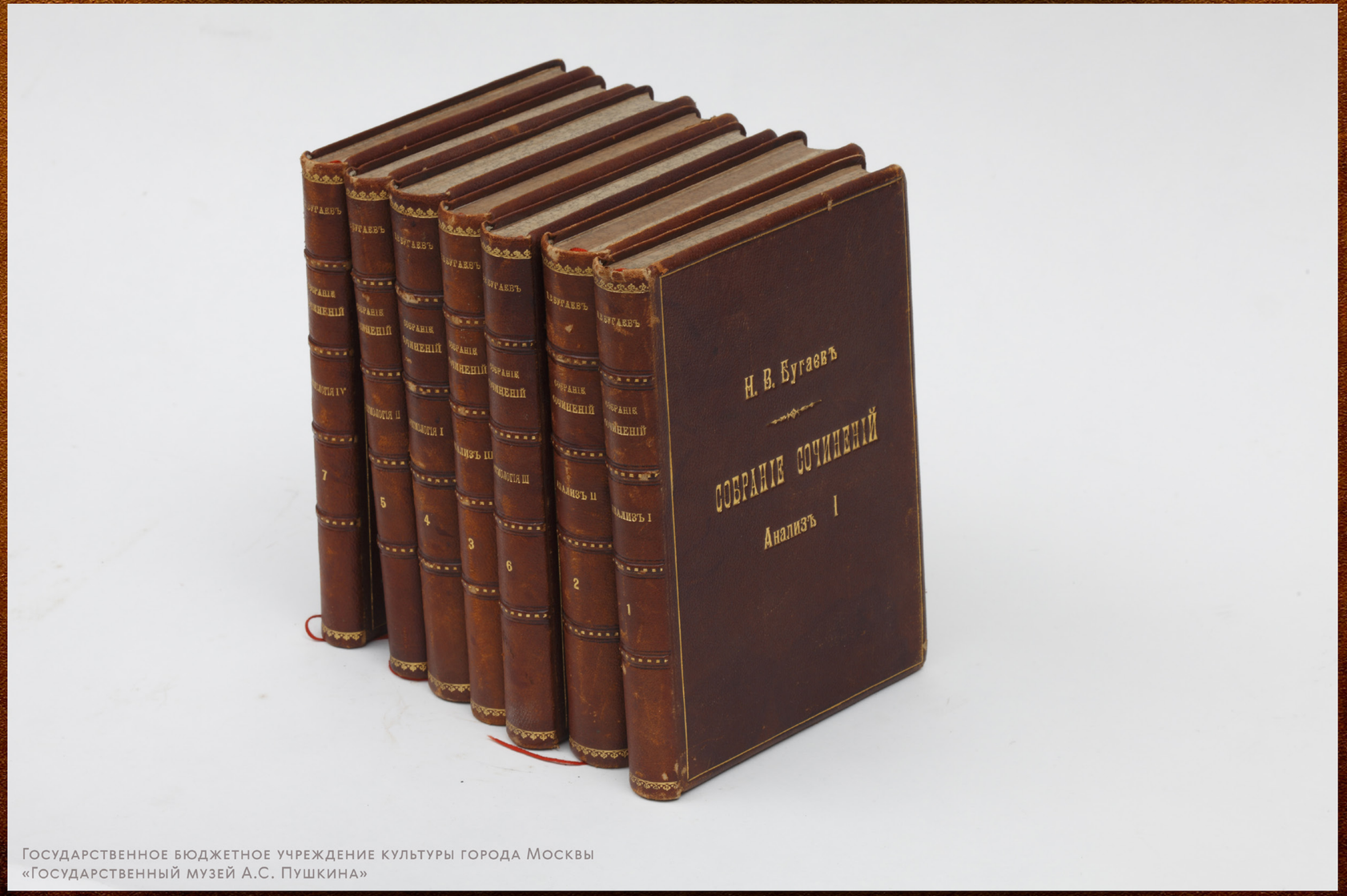
МОСКВА.

1894.



Цветаева М.И. Письмо И.В. Цветаеву
на почтовой карточке.
16 / 29 июня 1910 г.

Предмет из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:



Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

Бугаев Н.В. Собрание сочинений. М.: Московское математическое общество, 1900.

Но в своем роде близкими были и семейные ситуации двух поэтов, драматичные коллизии, которыми было наполнено их детство. Матери Марины и Бориса были много младше своих мужей и вышли замуж не по любви. Мария Александровна Мейн стала супругой овдовевшего Ивана Владимировича Цветаева, отчаявшись выйти замуж за любимого человека, который был не свободен и которому жена отказалась дать развод. Александра Дмитриевна Егорова вышла замуж за Николая Васильевича Бугаева, тоже любя другого: ее избранником был один из сыновей фабриканта Абрикосова, но семья запретила сыну жениться на бесприданнице (Егоровы разорились после смерти отца).

Детство, а впоследствии жизнь и творчество Бориса Бугаева и Марины Цветаевой были теснейшим образом связаны с музыкой.

Стихии музыки и слова с самого раннего детства окружали Марину Цветаеву, были неразрывно соединены в ее потоке бытия. И эти стихии привнесла в семью мать Марины Цветаевой Мария Александровна Мейн. О главенствующем влиянии матери Марина Цветаева писала в автобиографии: «Мать – сама лирическая стихия», «страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет. Страсть к стихам – от матери»; «Материнское чтение вслух и музыка».

Мария Александровна Мейн была очень талантливым человеком, выдающейся пианисткой. Она мечтала о музыкальной карьере – публично выступать с концертами, но ее отец – Александр Данилович Мейн – отличался довольно суровым характером и строгими правилами. Такая карьера для женщины казалась ему неподходящей и неприличной. Мария Александровна очень любила отца и покорилась ему, но неудовлетворенная творческая страсть мучила ее, и то, что не удалось реализовать ей самой, она мечтала воплотить в детях. В эссе «Мать и музыка» Марина Цветаева пишет: «Когда вместо желанного, предрешенного, почти приказанного сына Александра родилась только всего я, мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: “По крайней мере, будет музыкантша”.

Когда же моим первым, явно-бессмысленным и вполне отчетливым догодовалым словом оказалась “гамма”, мать только подтвердила: “Я так и знала”, – и тут же принялась учить меня музыке, без конца напевая мне эту самую гамму: “До, Муся, до, а это – ре, до – ре…”». Марине еще не было пяти лет, когда мать посадила ее за рояль, и она практически сразу же стала делать большие успехи. А первой школой в жизни Марины Цветаевой стала музыкальная школа Зограф-Плаксиной в Мерзляковском переулке, куда она поступила самой младшей ученицей, неполных шести лет.

Сестра Марины Анастасия Ивановна Цветаева в своих воспоминаниях тоже отмечает особую роль музыки в формировании их мировосприятия. «Детство наше пропитано музыкой. В детской мы засыпали под мамину игру, доносившуюся снизу из залы, игру блестящую и полную страсти.

В зале – дрожащие звуки…
Это тихонько рояль
Тронули мамины руки.

Всю классику мы, выросшие, узнавали как “мамино”, это мама играла… Бетховен, Моцарт, Гайдн, Шопен, Шуман, Григ…»

Андрей Белый, вспоминая о детстве, писал: «Изумительно, до чего отец и мать в подходах ко мне до конца жизни остались антиподами; отец не доверял литературным вкусам, но поощрял к музыкальным импровизациям, которым я отдавался тайком от матери; он заставил сыграть ему какую-то дикую композицию; сидел, выпятив ухо:
– Что ж, – недурно! Сочинение мелодий развивает изобретательность».

Предметы из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

Бугаев Николай Васильевич (1837–1903),
отец Андрея Белого. [1900-е].
Фотокопия 1936 г.,выполненная по заказу
К.Н. Бугаевой.

Бугаева Александра Дмитриевна
(урожденная Егорова; 1858–1922), мать Андрея Белого.
Москва. Фотоателье Р.Ю. Тиле. [1900-е ?].

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

43

Существом «насквозь музыкальным» была и мать Андрея Белого, Александра Дмитриевна Егорова. В книге «На рубеже двух столетий» она, окруженная музыкальным ареолом, противопоставляется рационализму отца поэта: «Сама музыка лебедем спустилась над детской кроваткой моей; и я залетал на звуках; говорю: “музыка опустилась над детской кроваткою”, потому что музыку воспринимал я, главным образом, вечерами; когда мать оставалась дома и у нас никого не было, она садилась играть ноктюрны Шопена и сонаты Бетховена; я, затаив дыхание, внимал из кроватки: и то, что я переживал, противопоставлялось всему, в чем я жил; пропадала драма нашей квартиры и мое тяжелое положение в ней; не существовало: ни профессоров, ни их “рациональных” объяснений, мне якобы вредных; не было и никакого “второго математика”; эволюция, Дарвин, цепкохвостая обезьяна имели смысл, власть, основание в том мире, где не было звуков: в мире дневном, в мире, обстающем кроватку; но после девяти часов вечера в кроватке под звуки музыки выступал иной мир. Не закон тяготенья господствовал, а то, слово к чему мною было подобрано, когда я стал взрослым.

И это слово есть ритм.
Мир звуков был совершенно адекватен мне; и я – ему…»
Став чуть старше, Белый отдавался стихии музыки без остатка. Когда родителей не было дома, он тайком пробирался к роялю и часами импровизировал. В мемуарах «Начало века» Андрей Белый писал: «Раз, застигнутый соседкой, я ей сыграл импровизацию. Что за прелесть, – воскликнула она. Призналась матери: Ваш сын прекрасно сочиняет. Впоследствии Сергей Иванович Танеев, рассматривая мою руку и растягивая ее так и эдак, сказал: Рука музыканта. Одна из музыкально настроенных барышень усаживала за рояль и требовала, чтобы я брал аккорды: Вы не поэт: композитор, себя не изживший в музыке».

Об импровизациях взрослого Андрея Белого вспоминала Л.Д. Менделеева: «Сам садился к роялю, импровизируя: помню мелодию, которую Боря называл “моя тема” (то есть его тема). Она хватала за душу какой-то близкой мне отчаянностью и болью о том же, о чем томилась и я».

Клавдия Николаевна Бугаева, вторая жена Андрея Белого, вспоминала: «Борис Николаевич любил выражать свою мысль в формах и терминах музыки. Мир звучал для него, говорил ему, звал. Кроме постоянных и почти обиходных в устах его выражений: пауза, ритм, стаккато, крещендо, чаще и нужнее других были: контрапункт, тема в вариациях, фуга»; «Для Бориса Николаевича многие из его внутренних состояний, порой даже целые полосы жизни, связывались со словами любимых поэтов или с темами музыкальных произведений. Здесь были и Пушкин, и Гете, и Баратынский, и Лермонтов, Тютчев, Вл. Соловьев, Дельвиг, Глинка, Шуберт, Шуман и ряд просто романсов или песен, едва ли имеющих автора».

Предмет из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

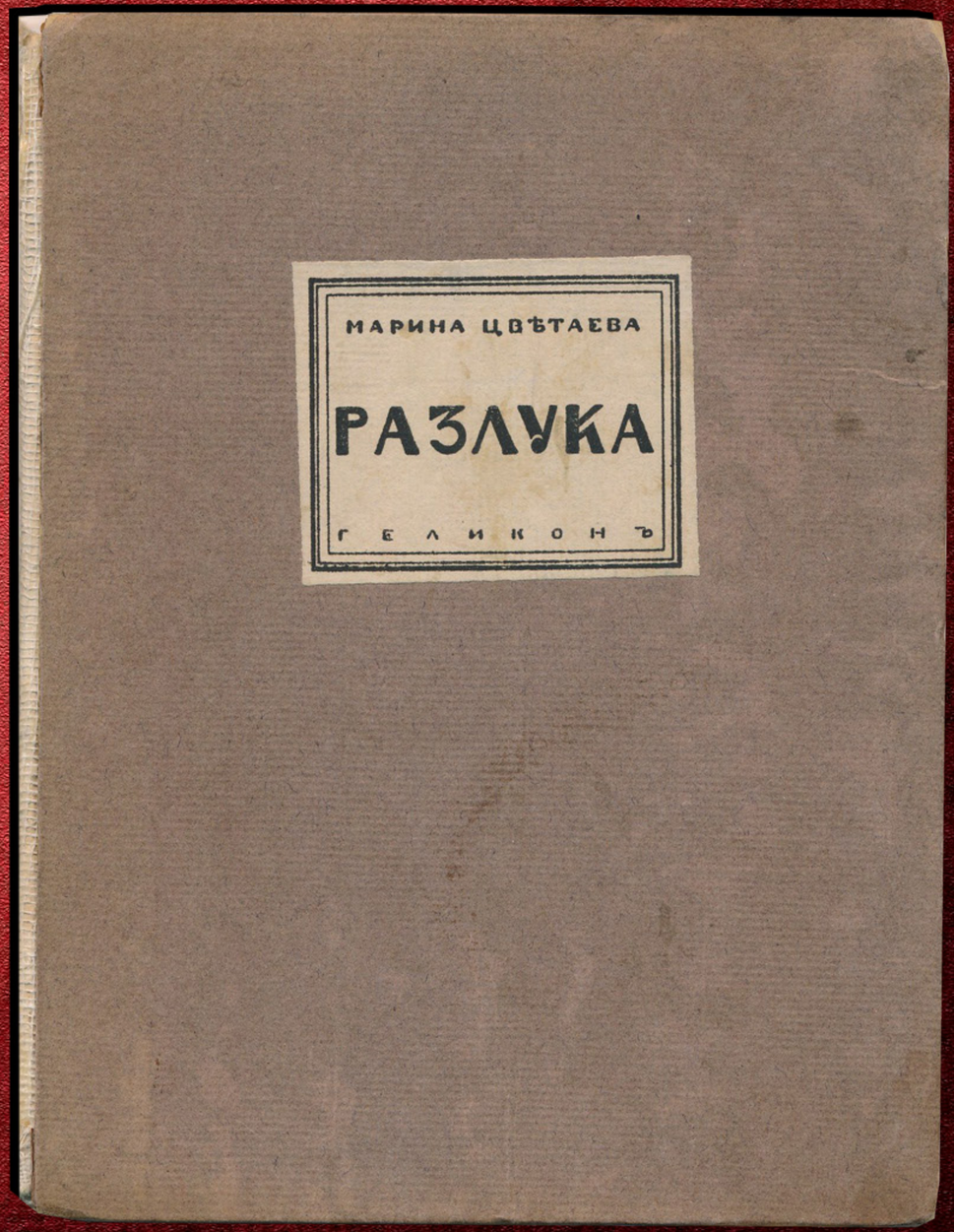
Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

Андрей Белый в гостиной арбатской квартиры Бугаевых. Зима 1901/1902

Глубокую связь своего творчества с музыкой ощущал и сам Андрей Белый:
«В те годы чувствовал пересечение в себе: стихов, прозы, философии, музыки; знал: одно без другого – изъян; а как совместить полноту – не знал; не выяснилось: кто я? Теоретик, критик-пропагандист, поэт, прозаик, композитор? Какие-то силы толкались в груди, вызывая уверенность, что мне все доступно и что от меня зависит себя образовать; предстоящая судьба виделась клавиатурой, на которой я выбиваю симфонию; думается: генерал-бас, песни жизни есть музыка; не случайно форма моих первых опытов есть “Симфония”».

После случайной встречи Цветаевой и Андрея Белого в кафе Pragerdiele Илья Эренбург дал Белому почитать книгу стихов М. Цветаевой «Разлука».

Цветаева М.И. Книга печатная Разлука: Книга стихов / Обл. работы А. Арнштама. – М.-Берлин: Геликон, 1922.



Стихотворения из цикла «Разлука»
Читает Алиса Гребенщикова.

55

Книга взволновала поэта. Своими впечатлениями
Андрей Белый поделился в письме к Марине Цветаевой.

Письмо Андрея Белого к Марине Цветаевой.
Читает Антон Шагин.

57

Андрей Белый, прочитав книгу стихов Марины Цветаевой «Разлука», удивительным образом – интуитивно – почувствовал в ее поэзии родственное себе музыкальное начало. Свою статью об этой книге он озаглавил «Поэтесса-певица». Поразительно, но, прочтя стихи, он узнал и любимого композитора М. Цветаевой – Бетховена: «Как в 5-ой симфонии у Бетховена хориямбическими ударами бьется сердце, так здесь подымается хориямбический лейтмотив, ставший явственным мелодическим жестом, просящимся через различные ритмы. И забываешь все прочее: образы, пластику, ритм и лингвистику, чтобы пропеть как бы голосом поэтессы то именно, что почти в нотных знаках дала она нам. (Эти строчки читать невозможно – поются.)». Сравнивая ее с величайшими поэтами-современниками, Андрей Белый особенно отмечает ее музыкальный дар: «Но не в лингвистике и не в пластике сила ее; если Блок есть ритмист, если пластик, по существу, Гумилев, если звучник есть Хлебников, то Марина Цветаева – композиторша и певица. Да, да, – где пластична мелодия, там обычная пластика – только помеха; мелодии же Марины Цветаевой неотвязны, настойчивы, властно сметают метафору, гармоническую инструментовку. Мелодию предпочитаю я живописи и инструменту; и потому-то хотелось бы слушать пение Марины Цветаевой лично».

58

Встречались Цветаева и Андрей Белый в эмигрантский период неоднократно. По его горячей просьбе Цветаева приезжала к нему в Цоссен: «Держа в руках подробнейший трогательнейший рукописный и рисованный маршрут – в мужчинах того поколения всегда было что-то отеческое, старинный страх, что заблудимся, испугаемся, где-нибудь на повороте будем сидеть и плакать, – маршрут мало в стрелках и в крестиках, но с трамваями в виде трамваев, с нарисованным вокзалом и, уж конечно, собственным, как дети рисуют, домиком: вот дом, вот труба, вот дым идет из трубы, а вот я стою.

– Я бы с величайшим счастьем сам за вами заехал и довез бы, но – вы не сердитесь, я знаю, что это бессовестнейший готтентотский эгоизм – мне так хочется завидеть вас издали, синей точкой на белом шоссе – так хорошо, что вы носите синее, какая в этом благость! – сначала точкой синей, потом тенью синей, такой же синей, как ваша собственная, вашей же тенью, длинной утренней тенью, вставшей с земли и на меня идущей… Знаете, синяя тень, напоенная небесной лазурью…

– Золото в лазури! – по ассоциации говорю я. Он, хватая мою руку:
– Вы не знаете, что вы сейчас сказали! – Вы – назвали. Я об этом все время думаю – и боюсь. Боюсь – начать. Боюсь – все выйдет по-другому… Для них – “переиздать”… Для них – “стихи”. Но теперь, когда вы это слово сказали, я начну… Я со всем усердием примусь, это будет ваша лазурь.

…Выйдя с вокзала – прямо, потом (переводя меня через нарисованный шлях) перейти шоссе (умоляюще:) только раз перейти! Не сердитесь, не сердитесь, родная!
Но мне так безумно хочется вас ждать, вас наверное ждать.
Завидеть вас издали, в синем платье, ведущей дочь за руку…»

60

Марина Цветаева встретилась с Андреем Белым в тяжелый период его жизни, трудную минуту – «полный перелом хребта»: он окончательно расставался со своей женой Асей Тургеневой. Однако в Цветаевой он почувствовал близкого человека, способного поддержать, утешить, придать сил и желания жить. Юная Ариадна Эфрон, в трехлетнем возрасте молившаяся за Андрея Белого, в 1922 году ставшая свидетельницей встреч М. Цветаевой с поэтом, вспоминала, какую сердечную поддержку оказала своему современнику ее мать: «Удар его беды Марина тотчас же приняла на себя, в себя, естественно и привычно впряглась в эту упряжку. Несмотря на то, что окружающие относились к нему сердечно, бережно, хоть и не без доли почтительного страха, одна лишь Марина оказалась в ту пору пристанищем его смятенной души…»

Фотография Ариадна и Георгий Эфрон. 1925 г.

Фотография Аля и Ирина Эфрон. Пересъемка. 1919 г.

Долгое время Андрей Белый находился в состоянии творческого кризиса, редко писал стихи. Но после прочтения книги Цветаевой «Разлука» он задумывает новый сборник «После разлуки»: «Ведь я после вашей “Разлуки” опять стихи пишу. Я думаю – я не поэт. Я могу – годами не писать стихов. Значит, не поэт. А тут, после вашей “Разлуки” – хлынуло. Остановить не могу. Я пишу вас – дальше. Это будет целая книга: “После Разлуки”, – после разлуки – с нею, и “Разлуки” – вашей. Я мысленно посвящаю ее вам и если не проставляю посвящения, то только потому, что она ваша, из вас, я не могу дарить вам вашего, это было бы – нескромно».

Предмет из фондов ГБУК г. Москвы «Государственный музей А.С. Пушкина»:

Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы
«Государственный музей А.С. Пушкина»

Андрей Белый. После разлуки: Берлинский песенник.
Пб.; Берлин: Эпоха, 1922.

65

Стихотворение, завершающее сборник «После разлуки», обращено к Марине Цветаевой. Известны разные варианты этого стихотворения. В архиве Григория Санникова есть один из них, написанный рукой М. Цветаевой в Голицине в январе 1940 года, во время встречи с Санниковым. Цветаева писала по памяти – в этой версии стихотворения также есть ряд отличий от варианта, который считается «каноническим». Но не вызывает сомнений, что и спустя много лет после встречи с Андреем Белым Цветаева вспоминала с благодарностью строки, посвященные ей.

Стихотворение Андрея Белого, посвященное Марине Цветаевой.
Читает Антон Шагин.